

В поисках своего лица

«Ностальгия по-настоящему... Вероятно этой строкой А. Вознесенского можно объяснить ту волну зрительского интереса, которую вызывает творчество Государственного русского драматического театра Литовской ССР в последнее время. «Жили-были...» А. Казанцева, «Мы, нижеподписавшиеся» А. Гельмана, отчасти «Гнездо глухаря» В. Розова — это работы, заслуживающие внимания. Коллектив заговорил с нами об острых проблемах. До боли знакомы ситуации, характеры, проблемы — и в «Жили-были...», и в «Гнезде глухаря», и в спектакле «Мы, нижеподписавшиеся».

С актерского откровения В. Гунина, его работы в спектакле «Мы, нижеподписавшиеся...» и хочется начать разговор. Кажется, что все мысли и чувства героя, все поступки и слова выстраданы самим актером: слияние образа и исполнителя предстает полным и окончательным. ☛ свою активнейшую, сложнейшую жизнь образ Ляня проходит достаточно сложный путь развития: от «своего парня», расбитного, бойкого и на вид весьма легкомысленного молодого проходимца — до человека, в котором воплотились некоторые черты героя современности. У Ляни есть то, чего нет у других персонажей пьесы, — вера. Есть спо-

собность не только глубоко верить, но и до конца защищать эту веру. Начальник Лени, Егоров, отправивший его в дорогу за поездом, в котором едут члены комиссии, не принявший объект, построенный под его руководством, — этот Егоров и есть тот человек, в котором воплотился нравственный идеал Лени Шиндина. Потому не Егорова он защищает, не за Егорова борется, когда отчаянно, всеми правдами и неправдами добивается, чтобы акт был подписан, нет — Ляня Шиндин отстаивает свою саятню, которая составляет суть и смысл всей его жизни. Ляня Шиндин вступает в конфликт не только с членами комиссии. Он сражается с той силой, что стоит за ними: интригами, бюрократией, демагогией... В ту напряженную ночь в поезде Ляня заставляет их встать перед необходимостью выбора. И в этой ситуации обнажается человеческая суть каждого. Лишь один Ляня уже давно сделал выбор — бесповоротно и навсегда.

А. Вилькин — умелый режиссер. Это чувствуешь уже в подборе актеров, в распределении ролей. «Мы, нижеподписавшиеся» — спектакль, где интересна каждая актерская работа. Запоминается и проводник (артист В. Костарев) с его комплексом «меленького начальника», и два негативных образа —

Семенов (артист В. Лидо) и Малисов (артист И. Бодэк) с их сытостью, цинизмом, умением устроиться в жизни, рядом с которыми человек типа Лени Шиндина выглядит мальчишкой, не приспособленным к жизни Дон Кихотом, и именно потому — прекрасным. Более сложные краски образов Деяткина и Аллы Ивановны, которых можно считать несомненными удачами А. Иноземцева и В. Мотовиловой.

Почти одновременно с постановкой пьесы А. Гельмана театр показал еще одну премьеру — по драме В. Розова «Гнездо глухаря», которую поставил И. Петров. Со спектаклем «Жили-были...», нашедшим в прошлом сезоне, «Гнездо глухаря» сравнивать, конечно, трудно. Та предыдущая работа была насквозь пронизана болью и тревогой художника, и рядом с нею «Гнездо глухаря» выглядит куда более спокойным, более «нейтральным», что ли, спектаклем. Такое впечатление, словно то, что происходит на сцене, происходит не сегодня, а было когда-то, с кем-то, и боль первого прикосновения, острота видения как бы притупились...

Но не будем сравнивать новые работы режиссера с предыдущими и вздыхать по тому, что было. Тем более, что и сама пьеса А. Казанцева, кажется, была во многом свежее, необычнее, менее подверженной трафаретам драма-

тургического мышления.

В «Гнезде глухаря» И. Петров дальше развивает свою тему в искусстве — тему несответствия, а иногда и разительного разрыва между материальным благополучием и нравственностью, человечностью, духовным содержанием жизни. «Душа телом заплывает» — так скажет Пров, юный герой пьесы «Гнездо глухаря». И еще он отметит, что человек сегодня проходит испытание на сытость». Роль Прова, ироничного подростка с болезненно чуткой совестью, подкупающе искренно и страстно играет студент IV курса Госконсерватории Э. Миккульский. А подлость и фальшь, против которой восстает Пров, в спектакле воплощает карьерист и демагог Егор.

Играет роль Егора артист В. Ефремов — играет вроде и верно, хорошо, но почему-то во время спектакля не покидает ощущение внутренней натуги, насилия над собой, которое совершает актер. Егор — это густая черная краска, это холодный ум, бесчувственность, в то время как в актерской природе Ефремова самые сильные и звонкие — струны эмоций. Артист Н. Трусов показал сложный внутренний путь к прозрению, который прошел его герой Судакон. В новой для себя манере при исполнении роли Искры, дочери Сулахова, выступила Т. Майорова. Артистка Е. Май-

вина за последнее время сыграла много ролей матерей и бабушек, но ни в одной из них не было такого внутреннего благо достоинства, теплоты, благородства и человеческой глубины, как в образе Натальи Григорьевны.

И. Петров, художник, тонко чувствующий психологическую ткань пьесы, умеющий выражать свою мысль через актера, все же не удержался в этом спектакле от соблазна вставить и что-то «от себя», вывести на сцену символические образы, которые у Розова жили лишь в мыслях, воспоминаниях действующих лиц. Одна из таких «вставок» оказалась, на мой взгляд, особенно неорганичной, нарушающей психологическую реальность спектакля. Это «воскрешенный» режиссером одноклассник Прова — мальчик, покончивший жизнь самоубийством. Возможно, не стоило бы говорить об этой режиссерской «находке», будь это случайностью в режиссуре И. Петрова. Но не только в этой его постановке встречаются подобные ненужные символические «украшения». Увы, в театре жизненной, психологической правды они оборачиваются манерностью, надуманностью, короче говоря, театральной неправдой, вызывающей в памяти знаменитую фразу Станиславского — «не верю!». К счастью, на спектаклях Государственного русского драматического театра последнего времени фразу эту вспоминаешь в очень редких случаях.

Р. ВАНГАЙТЕ.